

Токмашев Д. М., Лемская В. М.

КАТЕГОРИЯ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В ТЕЛЕУТСКОМ И ЧУЛЫМСКО-ТЮРКСКОМ ЯЗЫКАХ: ИМЕННЫЕ КОНСТРУКЦИИ¹

Анализируются способы выражения посессивных отношений с помощью именных конструкций в телеутском и чулымско-тюркском языках. Посессивные отношения в рассматриваемых языках формируют ФСП, грамматическое ядро которого составляют изафетные конструкции третьего типа и сочетания притяжательных местоимений с существительными, маркированными аффиксами принадлежности. Это маркирование носит дискурсивный характер и является факультативным в 1-м и 2-м лице посессора, однако неотчуждаемая принадлежность выражается регулярным вершинным маркированием лично-притяжательной конструкции. Отмечается вне-изафетное и вне-посессивное употребление аффикса 3-го лица, предположительно связанное с артиклевой функцией данного аффикса.

На периферии ФСП посессивности находятся адъективные аффиксы *-liу и *-yi, которые выражают обладание предметом, качеством или признаком либо передают идею их концентрации, накопления.

Ключевые слова: телеутский язык, чулымско-тюркский язык, посессивность, изафет, лично-притяжательные конструкции, именные словообразования.

Рассматриваемые в данном обзоре тюркские идиомы Обско-Енисейского языкового ареала – языки бачатских телеутов (Насилов, 2002; Уртегешев, 2009) и чулымских тюрков (Дульзон, 1966) – относятся к бесписьменным миноритарным языкам Западной Сибири. Степень их взаимного родства осложняется диалектным членением чулымско-тюркского языка (Дульзон, 1973), один из диалектов которого – нижнечулымский – по фонетическим признакам приближается к языку бачатских телеутов, тогда как второй диалект – среднечулымский² – фонетически противопоставлен телеутскому (Бирюкович, 1973), что может обуславливаться гетерогенностью языковых компонентов – огузского и кыпчакского (ср. Баскаков, 1966; Novgorodov et al., 2015), либо их конвергентным развитием в ситуациях диалектно-языкового смешения (Радлов, 1868: 14; Дульзон, 1973: 16). Ни один из идиомов не представляет собой «чистый» тип огузского или кыпчакского языка.

Ввиду наличия традиционной проблемы «язык/диалект» в тюркологии (ср. термины «телеутский язык», «бачатско-телеутский язык», «язык бачатских телеутов», «телеутский диалект (южно) алтайского языка», «язык яшашных инородцев» («исашный язык»), «язык чулымских татар», «язык чулымских хакасов», «чулымско-тюркский язык» и др.) мы употребляем термины «телеутский язык» и «чулымско-тюркский язык» в значении *идиом*. Данная терминологическая единица выступает гиперонимом по отношению к терминам «язык»/«диалект» и позволяет рассматривать данные языки с точки зрения их коммуникативных функций и свойств (Виноградов и др., 2008: 18).

Положение телеутского и чулымско-тюркского языков в тюркологических классификациях нестабильно и зависит от классификационных критериев. В классификациях, построенных с учетом территориальных и глоттохронологических признаков, оба идиома включаются в одну группу – сибирские тюркские языки (Мудрак, 2009), южная подгруппа северо-восточной группы тюркских языков с выделением компонентов *AltayTurkic* и *ChulymTurkic* соответственно (Yohanson, 1998).

Социолингвистический статус обоих языков характеризуется малой коммуникативной мощностью, отсутствием письменных форм языка и низкой степенью языковой лояльности носителей (в том числе по данным полевых исследований авторов), что типично для языков коренных малочисленных народов Сибири. Чулымско-тюркский может быть охарактеризован как находящийся под сильнейшей угрозой исчезновения (ср. англ. *critically endangered* ‘находящийся под критической угрозой’ – термин ЮНЕСКО, характеризующий уровень жизнеспособности языка), при этом возраст активных носителей среднечулымского диалекта – не менее 55 лет, а нижнечулымский диалект, по нашим данным, исчез в 2011 г. С другой стороны, телеутский, хотя и в редуцированном виде (учитывая сжимающиеся сферы употребления), сохраняет передачу языка последующим поколениям. Подробнее о социолингвистическом статусе идиомов см. (Токмашев и Федотова, 2014; Лемская, 2013; Lemskaya&Vasanlı [в печати]).

Границы распространения телеутского идиома охватывают территорию Беловского (с. Беково, мкрн Телеут, д. Улус, д. Шанда) и Новокузнецкого (д. Телеуты) районов Кемеровской области. Кроме того, от-

¹ Исследование выполняется при финансовой поддержке РФНФ: грант №15-04-00406а «Типология категории посессивности на материале языков обско-енисейского ареала».

² Проект № 15-34-01226а2 «Этнокультурная специфика образов пространства и времени в языковом сознании представителей селькупского, хантыйского, чулымско-тюркского и русского этносов в условиях контактного взаимодействия».

дельные этнографические группы телеутов проживают в Алтайском крае и Республике Алтай. Исторически телеуты – потомки тюркоязычных кочевников Центральной Азии, территория расселения предков современных телеутов охватывала верховья р. Обь и территории современных Новосибирской и Омской областей. Этногенетически с телеутами, вероятно, связаны различные тюркоязычные группы Саяно-Алтая и Западной Сибири – северные и южные алтайцы (в лингвистическом употреблении термина), шорцы, калмаки, томские татары. Кроме этого, в этногенезе телеутов предполагается участие смешанных (тюркских и нетюркских) этнических групп Кузнецкого Алатау – ач-кыштымов. Подробнее о происхождении телеутов см. (Телеуты..., 2006).

Телеутский диалект использовался членами Алтайской духовной миссии при издании просветительской и религиозной литературы в Санкт-Петербурге, Казани и Томске (напр., *Грамматика алтайского языка, составленная членами Алтайской духовной миссии*. Казань, 1869; *Земная жизнь Господа нашего Иисуса Христа*. СПб., 1865 (на алт. яз.); *Часослов*. Томск, 1895 (на алт. яз.); *Деяния святых апостолов*. Томск, 1900 и др.).

Современная форма языка, используемая телеутами, изучена достаточно слабо. В первую очередь, объектами исследования были фонетика и просодика (Меркурьев, 1975; Шестера, 2014), фрагментарно также исследовались его лексико-грамматические особенности (Фисакова, 1976; Токмашев, 2008).

Чулымские тюрки исторически населяли таежные районы вдоль среднего и нижнего течения р. Чулым в границах современных Томской области и Красноярского края (Дульзон, 1973 и др.). В настоящее время компактными группами чулымцы проживают всего в нескольких поселениях: в с. Тегульдет Тегульдетского района Томской области и Чиндатском сельском поселении (д. Пасечное, д. Чиндат) Тухтетского района Красноярского края (Лемская, 2007–2015). Установлено, что разные группы чулымских тюрков происходили от разных тюркских племен-колонизаторов, смешавшихся с дотюркским населением Западной Сибири (Дульзон, 1973: 27). Так, тюркизация Чулыма проходила в несколько этапов и имела различные направления:

- (1) с востока/юго-востока – заселение верховьев р. Чулым (VII–VIII вв.);
- (2) с юга – по р. Кия, притоку р. Чулым (XII–XIII вв.);
- (3) с запада/юго-запада – заселение нижнего Чулыма (до XV в.).

Собственно чулымско-тюркский язык сложился к концу XVI в. (там же). Подробнее о происхождении чулымцев см. (Чулымцы..., 2006).

До недавнего времени чулымско-тюркский язык представлял собой объединение двух диалектных массивов (нижнечулымский, сближавшийся с томско-татарскими говорами и кондомским диалектом шорского языка, и среднечулымский, имевший параллели с мрасским диалектом шорского языка, а также шорским и кызыльским диалектами хакасского языка), весьма сильно различавшихся между собой как фонетически, так и морфосинтаксически и лексически (см. Дульзон, 1973; Бирюкович, 1980). В настоящее время, в связи с исчезновением нижнечулымского диалекта, под чулымско-тюркским языком следует понимать только среднечулымский диалект, подразделяющийся на тутальский (с. Тегульдет) и мелетский (д. Пасечное) говоры (ср. Дульзон, 1973; Lemskaya, 2010).

Численность чулымских тюрков, согласно последней переписи, составляет 355 человек, из которых 44 владеют своим этническим языком (Перепись, 2010). При сравнении этих данных с результатами предыдущей переписи (Перепись, 2002), на первый взгляд, очевидно снижение численности этноса более чем в 2 раза за менее чем десятилетие (ср. 656 человек идентифицировали себя чулымцами в 2002 г.). С другой стороны, более оправданным представляется такая интерпретация данных всероссийских переписей, при которой данное снижение численности интерпретируется не как естественная убыль населения, а как результат изменения этноязыкового самосознания чулымских тюрков (см. Лемская, 2013).

Что касается использования чулымско-тюркского языка, следует отметить, что сфера его употребления сужается с каждым годом и остается сугубо бытовой (Лемская, 2007–2015; также см. работы А. П. Дульзона и Р. М. Бирюкович). Отсутствует письменность чулымско-тюркского языка, он не преподается в учебных заведениях, на нем не издаются публицистика и литература. В основном языком владеют чулымцы пенсионного возраста (Лемская, 2007–2015). Из существующих публикаций, связанных с чулымско-тюркским языком, стоит отметить научные работы А. П. Дульзона, Р. М. Бирюкович, В. М. Лемской, М. Pomorska, G. D. S. Anderson & K. D. Harrison и некоторых других авторов.

Посессивные отношения в системе рассматриваемых тюркских языков выражаются набором грамматических средств, прежде всего – именными конструкциями. Значение категории посессивности как одной из универсальных понятийных категорий языка заключается в «определении названия объекта через его отношение к некоторому лицу или предмету» (ЛЭС: 388).

В рамках данной статьи будут анализироваться именные конструкции, обозначающие непосредственное владение по типу «посессор – обладаемое», имплицитные входящие в сферу обладания другого – так называемое узкое понимание посессивности.

В широком понимании посессивность образует функционально-семантическое поле, ядро которого в тюркских языках составляют рассматриваемые ниже «узкопосессивные» конструкции, а периферию – «более широкий спектр отношений между объектами, в частности – отношения между предметом и характеризующим его признаком» (Гращенков, 2007: 25), что определяет многообразие семантических вариантов посессивности.

Традиционно в практиках описания грамматического строя тюркских языков с древнетюркского периода категория посессивности рассматривается как «категория принадлежности», в рамках которой исследуются способы выражения посессивности в ее узком понимании. Рассмотрим некоторые способы выражения категории посессивности в телеутском и чулымско-тюркском языках.

Типичной для тюркских языков является изафетная именная определительная конструкция, имеющая несколько базовых вариантов морфологического оформления и целый пучок региональных и диалектных проявлений, для которых характерно не только морфолого-синтаксическое, но и семантическое варьирование, ср. «...функции притяжательных форм в тюркских языках гораздо шире, чем в индоевропейских: они маркируют субъект обладания, тему высказывания, выступая в самостоятельной синтаксической функции, а не только (и не столько) в функции определения» (Невская, 1999: 44). Вообще, изафет, как отмечает Н. З. Гаджиева, подчиняется ведущему закону порядка слов «определение + определяемое» и является ключом к пониманию многих синтаксических категорий в тюркских языках (Гаджиева, 1997: 32).

1-й тип изафета (ИК1) – безаффиксальная аналитическая конструкция – образует адъективизированные сочетания, в которых существительное выступает в роли определения без согласования с определяемым. Принципиальным отличием ИК1 от простого словосочетания является субстантивная природа обоих его компонентов, где определение должно указывать: 1) на состав, вещество или материал; 2) меру, размер, форму и пр.; 3) профессию, специальность и т. д. (СИГТЯС: 52).

Примеры изафета-I:

(1) тел.	<i>altın</i>	<i>topçı</i>	‘золотая пуговица’,
	золото	пуговица	
	<i>ağaç</i>	<i>üj</i>	‘деревянный дом’,
	дерево	дом	
	<i>taş</i>	<i>kötmür</i>	‘каменный уголь’,
	камень	уголь	
	<i>arka</i>	<i>söök</i>	‘позвоночник’;
	спина	кость	
(2) чул.	<i>üürügän</i>	<i>aaj</i>	‘июнь (месяц икры)’,
	икра	месяц	
	<i>kol</i>	<i>tärben</i>	‘ручная мельница’,
	рука	мельница	
	<i>tül’gü</i>	<i>kuzuruk</i>	‘лисий хвост’,
	лиса	хвост	
	<i>təžə</i>	<i>toyalak</i>	‘медведица’.
	самка	медведь	

Как отмечают Б. А. Серебренников и Н. З. Гаджиева, этот тип изафета является древнейшим (СИГТЯС: 22). По этому типу образовано множество сложносоставных слов в тюркских языках, процесс адъективизации в которых «...сделал излишним употребление аффикса принадлежности как показателя соотнесенности предметов – субстантивов» (СИГТЯС: 23), отчего 1-й тип изафета имеет «только терминологическое значение» (СИГТЯС: 52). Соответственно, 1-й тип изафета практически утратил семантику «посессор + обладаемое». С развитием аффиксов принадлежности данный тип был вытеснен 2-м типом изафета из сферы посессивных отношений и превратился в способ аналитического словообразования.

2-й тип изафета (ИК2) представляет собой субстантивное сочетание с вершинным маркированием вида «посессор + обладаемое, оформленное посессивным аффиксом 3-го л.», что придало конструкции

большую устойчивость в отличие от ИК1, построенного на простом примыкании. Как и у ИК3, в основе глубинной семантической структуры ИК2 лежат отношения принадлежности, в которых посессор выражает «неопределенное родовое понятие» (СИГТЯС: 55).

Семантические условия 2-го типа изафета варьируются в различных диасистемах тюркских языков и сводятся к следующим: 1) посессор выражает неопределенное категориальное понятие; 2) посессор и обладаемое находятся в конкретном соотношении, т. е. речь идет об «узкопосессивных» отношениях, что функционально уравнивает ИК2 и ИК3; 3) посессор, напротив, адъективизируется, что сближает ИК2 с ИК1 (СИГТЯС: 55–57).

Примеры 2-го типа изафета в телеутском и чулымско-тюркском языках:

(3) тел.	<i>kres</i>	<i>qiz-i</i>	‘крестная дочь’,
	<i>крест<RUS</i>	<i>дочь-POSS.3SG</i>	
	<i>ayaş</i>	<i>jiileg-i</i>	‘малина’,
	<i>дерево</i>	<i>ягода-POSS.3SG</i>	
	<i>jalaŋ</i>	<i>čegertkiž-i</i>	‘кузнечик’,
	<i>поле</i>	<i>блоха-POSS.3SG</i>	
	<i>qayın</i>	<i>meške-zi</i>	‘чага’;
	<i>береза</i>	<i>гриб-POSS.3SG</i>	
(4) чул.	<i>kozan</i>	<i>ämčeg-i</i>	‘малина’,
	<i>заяц</i>	<i>грудь/сосок-POSS.3SG</i>	
	<i>kun</i>	<i>garaŋ-i</i>	‘солнце’,
	<i>солнце</i>	<i>глаз-POSS.3SG</i>	
	<i>tiŋ</i>	<i>čamiŋ-i</i>	‘белчий мех’,
	<i>белка</i>	<i>мех-POSS.3SG</i>	
	<i>arba</i>	<i>kaži-zi</i>	‘ячменная каша’.
	<i>ячмень</i>	<i>каша<RUS-POSS.3SG</i>	

Отдельно следует упомянуть зафиксированное в чулымско-тюркском (и не обнаруженное в телеутском) явление вне-изафетного маркирования существительных аффиксом принадлежности 3-го л.

Данное явление отмечено нами в мелетском говоре чулымско-тюркского языка, сопровождаемое ударной лабиализацией окончаний мн. ч. и финального корневого /a/ перед посессивным маркером: *paló-zu* ‘мальчик-POSS.3SG’ <*pala* ‘мальчик’; *maŋa-lór-u* ‘лягушка-PL-3PL.POSS’ <*maŋa* ‘лягушка’ при фактическом отсутствии как посессора, так и посессивной импликации у форм типа *palozu* и *maŋaloru* в целом.

Природа такого избыточного маркирования субстантива в именительном падеже посессивным аффиксом 3-го л. остается неясной. Предположительно, в данном случае аффикс частично десемантизируется, частично приобретает функцию своеобразного артикля, на что указывает А. М. Щербак, отмечая, что это явление характерно для ряда тюркских языков (Щербак, 1977: 80).

Особый статус посессивного аффикса 3-го л. выражается в сильном ослаблении значения принадлежности уже во 2-м типе изафета (ср. выше тел. *qayın meške-zi* ‘чага’ < букв. ‘березовый гриб’ – гриб, «растущий на березе», а не «принадлежащий березе»). Р. М. Бирюкович отмечает, что в чулымско-тюркском языке «формант принадлежности 3-го лица не выражает реальной принадлежности объекта к какому-либо лицу, а лишь определяет предмет как предмет, не включенный в сферу одного из участников коммуникации» (Бирюкович, 1980–1: 98), а П. В. Гращенков указывает на его синтаксическую, а не семантическую мотивированность в тюркских языках (Гращенков, 2002).

Вне-изафетное маркирование субстантивных имен данным аффиксом при отсутствии посессора отмечается и в телеутском языке, напр.:

ad-i yoq ‘безымянный’ > ‘имя-POSS.3SG + предикат отсутствия’,

yaž-i ‘возраст’ < *yaš* ‘возраст; молодой’.

Это явление особенно характерно для сложных слов, образованных соположением комплементарных основ:

uy-i-töz-i ‘поколение’ < *uq* ‘род’ + *tös* ‘основа’,

uč-i-tüb-i ‘истина’ < *uč* ‘острие’ + *tüp* ‘дно’,

ič-i-qard-i ‘внутренности’ < *ič* ‘чрево, нутро’ + *qarta* ‘прямая кишка’.

Аналогичные примеры встречаются и в чулымско-тюркском языке:

iže-zi-ado-zi ‘родители’ < *iže* ‘мать’ + *ada* ‘отец’.

В приведенных примерах посессивный аффикс выполняет лексико-грамматическую функцию, близкую к слово-, а не формообразовательной.

Собственно-посессивные отношения выражаются прежде всего 3-м типом изафета – морфолого-синтаксической конструкцией с вершинно-зависимостным маркированием вида «посессор, оформленный аффиксом генитива + обладаемое, оформленное посессивным аффиксом 3 л.». Этот тип «можно рассматривать, как истинный изафет в том смысле, что он представляет собой сочетание двух существительных и оба члена сохраняют свои значения имен существительных» (СИГТЯС: 59).

Примеры:

(5) тел.	<i>paliqçı-niŋ</i> рыбак-GEN <i>it-tiŋ</i> собака-GEN <i>kolkhoz-tiŋ</i> колхоз<RUS-GEN <i>čoŋqo-oŋ</i> свинья-GEN	<i>keme-zi</i> лодка-POSS.3SG <i>quyruŋ-i</i> хвост-POSS.3SG <i>üy-leri</i> корова-POSS.3PL <i>pala-zi</i> ребенок-POSS.3SG	‘лодка рыбака’, ‘хвост собаки’, ‘колхозные коровы’, ‘поросёнок’;
(6) чул.	<i>karındaž-ə-nəŋ</i> родственник-POSS.3SG-GEN <i>mikalay-niŋ</i> Николай-GEN <i>äw-i-niŋ</i> дом-POSS.3SG-GEN	<i>miltiŋ-i</i> ружье-POSS.3SG <i>kol-i</i> рука-POSS.3SG <i>alindo-zu</i> спереди-POSS.3SG	‘ружье племянника’, ‘рука Николая’, ‘перед избы’.

В отличие от ИК2 эта конструкция конкретизирует обладателя: тел. *at yal-i* ‘лошадиная грива’ (ИК2) ~ *at-tiŋ yal-i* ‘грива лошади’ (ИК3).

Конструкции с притяжательными местоимениями структурно примыкают к ИК3, т. е. образуются по типу «личное местоимение в генитиве + обладаемое с посессивным аффиксом соответствующего лица/числа» и выражают «юридическую принадлежность, отношение части к целому, пространственные и временные отношения, родственные связи и т. д.» (Щербак, 1977: 79).

Парадигма притяжательных местоимений и посессивных аффиксов в чулымско-тюркском и телеутском языках выглядит следующим образом:

Притяжательное местоимение	Посессивный аффикс			Пример
	Морфема	Основа на гласный	Основа на согласный	
1SG				
чул. <i>meeŋ</i>	-(I)m	-m	-im/-im/-um/-üm	<i>meeŋ pala:-m</i> ‘мой сын’
тел. <i>meeŋ</i>	-(I)m	-m	-im/-im/-um/-üm	<i>meeŋ pala-m</i> ‘мой сын’
2SG				
чул. <i>seeŋ</i>	-(I)ŋ	-ŋ	-iŋ /-iŋ/-uŋ/-üŋ	<i>seeŋ pala:-ŋ</i> ‘твой сын’
тел. <i>seeŋ</i>	-(I)ŋ	-ŋ	-iŋ /-iŋ/-uŋ/-üŋ	<i>seeŋ pala-ŋ</i> ‘твой сын’
3SG				
чул. <i>a: niŋ</i>	-(z)I	-zi/-zi/-zu/-zü	-i/-i/-u/-ü	<i>a: niŋ palo-zu</i> ‘его сын’
тел. <i>a: niŋ/aaŋ</i>	-(z) I	-zi/-zi/-zu/-zü	-i/-i/-u/-ü	<i>aaŋ pala-zi</i> ‘его сын’
1PL				
чул. <i>pistiŋ</i>	-(I)wIs	-vis/-vis/ -vus/-vüs	- (i) vis/- (i) vis/ - (u) vus/- (ü) vüs	<i>pistiŋ pala:-vis / pistiŋ pala:-bis</i> ‘наш сын’
тел. <i>pistiŋ</i>	-(I)bls / - (I) s	-bis/-bis	- (i) bis/- (i) bis/ -is/-is	<i>pistiŋ pala-bis</i> ‘наш сын’ <i>pistiŋ qaan-is</i> ‘наш хан’

2PL				
тел. <i>serdiŋ</i>	-(I)gAr	-yar/-ger	-iŋar/-iger	<i>serdiŋ pala-yar</i> 'ваш сын'
чул. <i>silärniŋ</i>	-(I)ŋnAr	-(i)ŋnar/ -(i)ŋnär	-iŋnar/-iŋnär	<i>silärniŋ pala-ŋnar</i> 'ваш сын'
3PL				
чул. <i>olarniŋ</i>	-(z)I	-zi/-zi/-zu/-zü	-i/-i/-u/-ü	<i>olarniŋpalo-zu</i> 'их сын'
тел. <i>alardiŋ</i>	-(z)I	-zi/-zi/-zu/-zü	-i/-i/-u/-ü	<i>alardiŋ pala-zi</i> 'их сын'

В целом телеутские и чулымско-тюркские лично-притяжательные конструкции обнаруживают отчетливый изоморфизм и изосемантизм, что обуславливается принадлежностью сопоставляемых языков к одной семье (исключение – формы 2-го л. мн. ч., генетически единые, но развившиеся под воздействием разных морфонологических процессов).

Особенностью аффиксального оформления притяжательных конструкций можно назвать регулярность вершинных маркеров -POSS.3SG/-POSS.3PL, т. е. имплицитующих 3-е л. посессора, при этом в конструкциях с посессором в 1-м и 2-м л. они могут отсутствовать (за исключением случаев обозначения «неотчуждаемой принадлежности», например, таких семантических отношений, как родственность, принадлежность частей тела и т. д.).

Так, в 1-м и 2-м л. допустимы притяжательные конструкции с обязательным зависимым, но факультативным вершинным маркированием:

- (7) тел. *serdiŋ* 2PL.GEN *üy-iger* дом-POSS.2PL = *serdiŋ üy-ø* 'ваш дом',
НО:
- (8) тел. *serdiŋ* 2PL.GEN *aba-yar* отец-POSS.2PL 'ваш отец',
- (9) чул. *meŋ* 1SG.GEN *ew-im* дом-POSS.1SG = *meŋ eb-ø-in* 1SG.GEN дом-ø-POSS.ACC 'мой дом',
НО:
- (10) чул. *Meŋ* 1SG.GEN *oŋ* правый *kula-m* 'мое правое ухо',
ухо-POSS.1SG
- (11) тел. *meeŋ* 1SG.GEN *škol-im* школа-POSS.1SG = *Meeŋ škol-ø* 'моя школа',
НО:
- (12) тел. *meeŋ* 1SG.GEN *ad-im* имя-POSS.1SG 'моё имя',
- (13) чул. *seŋ* 2SG.GEN *kazein-ø* хозяин<RUS 'твой хозяин'.
НО:
seen (<seŋ) 2SG.GEN *karəndaš-aŋ* брат-POSS.2SG 'твой брат'.

Данная аномалия (факультативное вершинное маркирование местоименно-притяжательных конструкций) характерна и для прочих тюркских языков (СИГТЯС: 62). Возможно, она объясняется экономией речевых усилий при наличии посессора в форме родительного падежа, что достаточно определено указывает на принадлежность обладаемого. Это варьирование имеет дискурсивную, грамматически не обусловленную природу, как и случаи факультативного маркирования посессора родительным падежом в тюркских языках, отмеченные П. В. Гращенковым в мишарском диалекте татарского языка (Гращенко, 2002).

К ядру функционально-семантического поля посессивности следует отнести и чрезвычайно продуктивный в тюркских языках (в том числе телеутском и чулымско-тюркском) аффикс проприетива *-liŋ с ядерной семой «обладающий предметом / признаком», выражающий широкий спектр значений, выходящий за рамки собственно посессивности, ср.:

(14) чул.	<i>korsak-tiŷ</i> живот-PROP		‘беременная’ (‘с животом; имеющая живот’),	
(15) чул.	<i>kaydiŷ</i> какой	<i>at-tiŷ-siŷ?</i> имя-PROP-2SG	‘как тебя зовут?’ (ты имеющий какое имя?),	
(16) тел.	<i>qıtaq-tu</i> песок-PROP	<i>suu</i> вода	‘вода с примесью песка’,	
(17) тел.	<i>qabırçaq-tu</i> ракушка-PROP <i>qaž-i-naŷ</i> берег-POSS.3SG-ABL	<i>qara</i> черный <i>keč-i</i> переправляться-PTCP	<i>Köl</i> Озеро <i>per-er</i> давать-FUT	<i>be</i> давать-FUT QUES
‘Черное озеро с ракушками , даст ли перейти с берега (на берег)?’ (Радлов, 1866: 293),				
(18) тел.	<i>ol</i> 3SG	<i>mašina-lu</i> машина-PROP	<i>kel-gen</i> приходить-PST	‘он приехал на машине ’.

Функция проприетива на **-liŷ* не ограничивается посессивностью (как можно наблюдать, в последнем примере проприетив уподобляется инструменталису), хотя, по-видимому, это отношение лежит в основе дополнительных значений данного форманта. В тюркологии нет четкого мнения о мотивирующем значении **-liŷ* – часть авторов (Н. К. Дмитриев, Н. З. Гаджиева) исходной считают семантику «объединяющий что-либо, изобилующий чем-либо», другие (А. М. Щербак, Б. О. Орузбаева) выводят дополнительные значения **-liŷ* из посессивности (СИГТЯМ: 139).

Авторы «Сравнительно-исторической грамматики тюркских языков» придерживаются первой точки зрения, реконструируя рассматриваемый аффикс в форме **-l^ok* (*q...*). Как отмечается, «аффикс (икс) *-lyq* относится к группе полисемантических аффиксов, хотя количество значений у производных с данным аффиксом не во всех языках одинаково», и варьируется от трёх (каракалпакский) до пяти-семи (турецкий, карачаево-балкарский, караимский) и даже двадцати (татарский) (СИГТЯМ: 138).

Три базовых значения, выделяемых Э. В. Севортьяном, включают: а) свойство-качество и состояние; б) назначение и функция; в) местность или место, где имеется множество предметов природы или добытых человеком (СИГТЯМ: 139). В современном чулымско-тюркском языке семантика обладания и концентрации выражается единым аффиксом *-lig*.

В телеутском языке отмечается морфофункциональное расслоение **-liŷ* на малопродуктивный аффикс существительного **-lik* (концентрация), напр.:

söz-lük ‘словарь’ < *sös* ‘слово’,

tuz-luk ‘рассол’ < *tus* ‘соль’,

töš-tök ‘узорный нагрудник, декор женского платья’ < *töš* ‘грудь’,

и утративший конечный /k/ высокопродуктивный аффикс прилагательного **-li* (обладание), ср.:

söz-lü ‘имеющий слова’ < *sös* ‘слово’,

tus-tu ‘соленый’ < *tus* ‘соль’,

töš-tü ‘с грудью, имеющий грудь’ < *töš* ‘грудь’.

Данное явление характерно для целого ряда тюркских языков, что породило дискуссии о гомологичности аффиксов в примерах, приведенных выше: «...отнесение аффикса *-liŷ* к числу морфем, образующих относительные прилагательные, и противопоставление его аффиксу *-lik*, выделяющему абстрактные имена существительные, послужило причиной продолжительных споров, которые и теперь еще нельзя считать окончательно разрешенными» (Щербак, 1977: 109).

Антонимичный ему аффикс приватива **-siz* в северо-восточных тюркских языках непродуктивен и встречается лишь в застывших производных типа *öksüs* < метатеза *öksüs* ‘сирота’, ср.: «Most Turkic languages have an abessive suffix such as Turkish *-siz*. Northeastern Turkic languages (Sakha, Tyvan, Hakas, etc.) lack such a suffix» (Fuyuki, 2014: 30). А. М. Щербак высказывает мнение, что приватив относится более к формо-, нежели словообразовательным аффиксам (Щербак, 1977: 99).

В телеутском и чулымско-тюркском привативные отношения выражаются при помощи предиката отсутствия *yoq/çok*, который образует (анти) посессивную конструкцию предложения наряду с предикатом обладания *par*, выражающим идею наличия/обладания, что относит тюркские языки к Esse-языкам

(«быть»-языкам), которые рассматривают обладание как свойство или местонахождение (что-то есть где-то / у кого-то).

Примеры:

(19) чул. *at- (t) ar-i* *çoyul* ‘имени у них не было’,
имя-PL-POSS.3SG нет

(20) чул. *tožeg-eŋ* *par* *çastig-iŋ* ‘на твоей постели
постель-POSS.2SG есть подушка-POSS.2SG есть подушка’.

Кроме того, периферию категории посессивности образуют именные атрибутивные конструкции с прилагательными – дериватами на *-yŋi (релятивный аффикс с семантикой «обладающий чем либо», «относящийся к временному отрезку»). Непосредственно аффикс *-yŋi, как отмечает А. М. Щербак, находится на стыке слово- и формообразования и «передает значение принадлежности, а также пространственные и временные отношения (Щербак, 1977: 96).

Примеры:

(21) чул. *ärgä-dee-ke* ‘очень древний’,
старый-LOC-REL

(22) тел. *taŋda-yŋi* *qazi-bila* *qarta-daŋ*
завтра-REL сало-INSTR кишка-ABL
pügün-gi *ökpö-bile* *puur* *jaqšŋi*
сегодня-REL легкое-INSTR печень хорошо

‘Чем завтрашние сало и сычуг, Лучше сегодняшние легкие и печень’ (Максимов, 1995: 69).

Посессивные отношения также имплицитно выражаются конструкциями, один из членов которых оформлен аффиксом *-tayŋi/-daki с семантикой «находящийся в сфере чего либо», возникшим из сочетания аффикса локатива *-dac*-yŋi, что расширяет спектр «узкопосессивных» грамматических средств – изафетных и лично-притяжательных сочетаний.

В близкородственных сибирских тюркских языках (шорском, алтайском) реконструируется еще один аффикс – *-niyi*, как результат контаминации аффикса генитива *-niŋ с *-yŋi, образующий абсолютные формы притяжательных местоимений и относительные прилагательные со значением принадлежности, которые выполняют предикативную функцию, ср. шор.: *no трактор колхозтыйы* ‘этот трактор – колхозный (колхозу принадлежащий, колхоза)’ (Дыренкова, 1941: 34); алт. *бу дьол аюныйы* ‘эта тропа медведя, медвежья’ (Дыренкова, 1940: 76). В чулымско-тюркском и телеутском языках на данном этапе этот аффикс установить не удалось – вместо него в подобных конструкциях используется генитив.

Выводы

Категория принадлежности в чулымско-тюркском и телеутском языках представляет собой функционально-семантическое поле, грамматическое ядро которого составляют изафетные конструкции третьего типа и сочетания притяжательных местоимений с существительными, маркированными аффиксами принадлежности.

Отмечается особый статус аффикса принадлежности 3-го л. *- (z) i. Он отличается большей синтаксической регулярностью и меньшей семантической нагрузкой, что косвенно подтверждается синкретизмом его форм для ед. и мн. числа, в то время как аффиксы принадлежности 1-го и 2-го л. обусловлены грамматическим числом обладаемого, а также случаями вне-изафетного и вне-посессивного употребления аффикса 3-го л., где он, предположительно, выполняет артиклевую функцию.

Выражение неотчуждаемой принадлежности в большей степени требует маркирования обладаемого посессивным аффиксом безотносительного лица и числа посессора. Изафетные конструкции 1-го и 2-го типов можно назвать «условно-посессивными», поскольку они выражают отношения свойства и качества предмета, а также отношения части и целого.

Проприетивный аффикс *-liy может быть отнесен к категории посессивности, поскольку выражает обладание предметом, качеством или признаком либо передает идею их концентрации, накопления. В телеутском языке отмечается его морфофункциональное расслоение на 2 фонетических варианта с разной степенью продуктивности, образующие разные лексико-грамматические разряды слов.

Адъективный аффикс *-yі также вовлекается в сферу посессивных отношений, поскольку образует прилагательные со значением обладания временным признаком.

Условные обозначения

Чул. – чувлымско-тюркский язык; тел. – телеутский язык; ИК – изафетная конструкция; POSS – посессивность; ABL – аблатив; GEN – генитив; INSTR – инструменталис; LOC – локатив; PST – прошедшее время; PTCP – причастная форма; FUT – будущее время; QUES – вопросительная частица; PROP – проприетив; REL – аффикс относительного прилагательного; <RUS – заимствование; * – архиморфема, реконструируемая для рассматриваемых тюркских языков.

СИГТЯМ – сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология; СИГТЯС – сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис; ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь.

Список литературы

- Anderson G. D. S., Harrison D. K. Middle Chulym: theoretical aspects, recent fieldwork and current state // *Turkic Languages*. Vol. 7 (2). Wiesbaden, 2003. Pp. 245–256.
- Anderson G. D. S., Harrison D. K. Ös tili: towards a comprehensive documentation of Middle and Upper Chulym dialects // *Turkic Languages*. Vol. 10 (1). Wiesbaden, 2006. Pp. 47–72.
- Erdal M. *A grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2004. 575 p.
- Fuyuki E. The Sakha proprietive suffix -LEEX // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2014. Вып. 1 (3). С. 23–34.
- Yohanson L., Csató É. Á. *The Turkic Languages*. London, 1998. 474 p.
- Lemskaya V. Middle Chulym: the state of the art // *Turkic Languages*. Vol. 14. Wiesbaden, 2010. Pp. 113–126.
- Lemskaya V., Bacanlı E. Chulym Turkic People and Dialects // *The Handbook of Endangered Turkic Languages* [forthcoming].
- Novgorodov I., Lemskaya V., Gainutdinova A., Ishkildina L. The Chulym Turkic Language is of the Kipchak Turkic Language Origin According to the Leipzig-Yakarta List // *Türkbilgi Türkoloji Araştırmaları*. 2015 / 29. Ankara, 2015. Pp. 1–18.
- Pomorska M. Middle Chulym noun formation // *Studia Turcologica Cracoviensia*. Vol. 9. Kraków, 2004. 256 p.
- Абдрахманов М. А. Тексты чувлымско-тюркского языка (средне-чувлымский диалект) // *Языки и топонимия Сибири*. Т. 2. Томск, 1970. С. 58–69.
- Баскаков Н. А. Тюркские языки (общие сведения и типологическая характеристика) // *Языки народов СССР*. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966. С. 7–42.
- Бирюкович Р. М. К семантическому обоснованию категории принадлежности в тюркских языках (на материале чувлымско-тюркского языка) // *Вопросы языкознания*. 1980. № 3. С. 95–106.
- Бирюкович Р. М. Материалы по языку чувлымских татар (полевые записи). Т. 3. Тегульдет, 1971. 658 с.
- Бирюкович Р. М. Строй чувлымско-тюркского языка: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1980. 404 с.
- Бирюкович Р. М. Звуковой строй среднечувлымского диалекта чувлымско-тюркского языка: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1973. 229 с.
- Бони Р. А. Материалы по языку чувлымских татар (полевые записи) Т. 7. Тегульдет, 1973. 584 с.
- Виноградов В. А., Коваль А. И., Порхоминовский В. Я. Социолингвистическая типология. М., 2009. 136 с.
- Гаджиева Н. З. Тюркские языки // *Языки мира*. Тюркские языки. М., 1997. С. 17–34.
- Гращенков П. В. Тюркская именная группа: тысяча и одна загадка (рукопись). М., 2002. <http://www.pandia.org/text/78/577/35930-3.php>
- Гращенков П. В. Типология посессивных конструкций // *Вопросы языкознания*. 2007. № 3. С. 25–54.
- Дульзон А. П. Диалекты и говоры тюрков Чулыма // *Советская тюркология*. Вып. 2. 1973. С. 16–29.
- Дульзон А. П. Чувлымские татары и их язык // *Ученые записки Томского государственного педагогического института*. Т. 9. Томск, 1952. С. 76–211.
- Дульзон А. П. Чувлымско-тюркский язык // *Языки народов СССР*. Т. 2. Тюркские языки. М., 1966. С. 446–466.
- Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М.–Л., 1941. 307 с.
- Дыренкова Н. П. Грамматика ойротского языка. М.–Л., 1940. 303 с.
- Лемская В. М. Материалы этнолингвистических экспедиций кафедры языков народов Сибири ТГПУ к чувлымским тюркам (полевые записи: электронный ресурс). Томск, 2007–2015.
- Лемская В. М. Чувлымские тюрки: сокращение численности населения как результат трансформации этноязыкового самосознания // *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. 2013. Вып. 2 (2). С. 50–55.

- Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. 685 с.
- Максимов К. И. Алтайский фольклор: телеутский диалект. Горно-Алтайск, 1995. 128 с.
- Меркурьев К. В. Бачатско-телеутский консонантизм: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 1975. 18 с.
- Мудрак О. А. Классификация тюркских языков и диалектов (с помощью методов глоттохронологии на основе вопросов по морфологии и исторической фонетике). М., 2009. 191 с. (Труды Института восточных культур и античности. Вып. 23).
- Насилов Д. М. Телеутов язык // Языки народов России: Красная книга. М., 2002. С. 177–180.
- Невская И. А. Бытийные элементарные простые предложения в шорском языке // Языки коренных народов Сибири. Вып. 5. Новосибирск, 1999. С. 42–70.
- Перепись 2002 – Всероссийская перепись населения 2002 года. Т. 4 «Национальный состав и владение языками, гражданство». Федеральная служба государственной статистики // <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>
- Перепись 2010 – Всероссийская перепись населения 2010 года. Т. 4 «Национальный состав и владение языками, гражданство». Федеральная служба государственной статистики // http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
- Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Ч. 1. Поднаречия Алтая: алтайцев, телеутов, черновых и лебединских татар, шорцев и саянцев. СПб., 1866. 443 с.
- Радлов В. В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи. Ч. 2. Поднаречия Абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызыльское и чулымское (кюзрик). СПб., 1868. 420 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М., 1988. 560 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Синтаксис / сост. Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебренников. М., 1986. 284 с.
- Телеуты // Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. М., 2006. С. 171–235.
- Токмашев Д. М. Заметки по лексике бачатско-телеутского языка // Историко-культурное взаимодействие народов Сибири: материалы науч.-практ. конф. Новокузнецк, 2008. С. 147–152.
- Токмашев Д. М., Федотова Н. Л. О социолингвистических особенностях телеутского языка по данным полевых исследований 2013–2014 годов // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. Вып. 4 (6). С. 35–42.
- Уртегешев Н. С. Телеутский язык // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. Новосибирск, 2009. С. 248.
- Фисакова Г. Г. Язык бачатских телеутов. Кемерово, 1976. 133 с.
- Чулымцы // Тюркские народы Сибири / отв. ред. Д. А. Функ, Н. А. Томилов. М., 2006. С. 125–170.
- Шестера Е. А. Телеутский язык: интонация повествовательных и вопросительных высказываний // Вопросы языкознания. 2014. № 2. С. 61–75.
- Щербак А. М. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков (имя). Л., 1977. 191 с.

Токмашев Д. М., кандидат филологических наук, доцент.

Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

Пр. Ленина, 30, Томск, Россия, 634050.

E-mail: kogutei@yandex.ru

Лемская В. М., кандидат филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: lemskaya@tspu.edu.ru

Материал поступил в редакцию 15 ноября 2015.

Токмашев Д. М., Лемская В. М.

POSSESSIVE NOUN CONSTRUCTIONS IN TELEUT AND CHULYM-TURKIC

The paper gives an analysis of possession manifestations in Teleut and Chulym-Turkic by means of noun constructions. Possessive relations in the focus languages form a functional-semantic field, with a grammar core composed of the third-type *ezafe* constructions as well as combinations of possessive pronouns and nouns marked with possessive affixes. This marking is discourse-featured and optional in case of the 1st and 2nd person possessor, but inalienable possession is manifested by the regular head marking of the personal pronominal possessive constructions. Also non-*ezafe* and non-possessive usage of the 3rd person possessive affix is featured, which is presumably affected by its article-like function.

On the periphery of the possessiveness functional-semantic field there are adjectival affixes **-liŋ* and **-ŋi*, which imply the possession of an object, quality or a feature, or manifest the idea of their accumulation and concentration.

Key words: *Teleut, Chulym-Turkic, possessiveness, ezafe, personal pronominal possessive constructions, nominal word-formation.*

References

- Anderson G. D. S., Harrison D. K. Middle Chulym: theoretical aspects, recent fieldwork and current state. *Turkic Languages*. Vol. 7 (2). Wiesbaden, 2003. Pp. 245–256.
- Anderson G. D. S., Harrison D. K. L̥s tili: towards a comprehensive documentation of Middle and Upper Chulym dialects. *Turkic Languages*. Vol. 10 (1). Wiesbaden, 2006. Pp. 47–72.
- Erdal M. *A grammar of Old Turkic*. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2004. 575 p.
- Fuyuki E. The Sakha proprietive suffix -LEEX. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, no. 1 (3), pp. 23–34.
- Johanson L., Csató É. Á. *The Turkic Languages*. London, 1998. 474 p.
- Lemskaya V. Middle Chulym: the state of the art. *Turkic Languages*. Vol. 14. Wiesbaden, 2010. Pp. 113–126.
- Lemskaya V., Bacanlı E. Chulym Turkic People and Dialects. *The Handbook of Endangered Turkic Languages [forthcoming]*.
- Novgorodov I., Lemskaya V., Gainutdinova A., Ishkildina L. The Chulym Turkic Language is of the Kipchak Turkic Language Origin According to the Leipzig-Jakarta List. *Türkobilig Türkoloji Araştırmaları*. 2015 / 29. Ankara, 2015. Pp. 1–18.
- Pomorska M. Middle Chulym noun formation. *Studia Turcologica Cracoviensia*. Vol. 9. Kraków, 2004. 256 p.
- Abdrahmanov M. A. Teksty chulymsko-tyurkskogo yazyka (sredne-chulymskiy dialekt) [Texts in Chulym-Turkic (middle-Chulym dialect)]. *Yazyki i toponimiya Sibiri* [Languages and Toponymy of Siberia]. Vol. 2. Tomsk, 1970. pp. 58–69.
- Baskakov N. A. Tyurkskiye yazyki (obshhiye svedeniya i tipologicheskaya harakteristika) [Turkic Languages (general information and typological characteristics)]. *Yazyki narodov SSSR. T. 2. Tyurkskie yazyki* [Languages of peoples of the USSR. Vol. 2. Turkic languages]. Moscow, 1966. Pp. 7–42.
- Biryukovich R. M. K semanticheskomu obosnovaniyu kategorii prinadlezhnosti v tyurkskikh yazykakh (na materiale chulymsko-tyurkskogo yazyka) [On the semantic grounds of possessiveness category in Turkic languages (on Chulym-Turkic material)]. *Voprosy yazykoznaneya – Problems of Linguistics*, 1980, no. 3, pp. 95–106.
- Biryukovich R. M. *Materialy po yazyku chulymskikh tatar (polevye zapisi)* [Materials on the language of the Chulym Tatars (field data)]. Vol. 3. Tegul'det, 1971. 658 p.
- Biryukovich R. M. *Stroy chulymsko-tyurkskogo yazyka: Dis. d-ra filol. nauk* [The system of Chulym-Turkic. Doctoral thesis]. Moscow, 1980. 404 p.
- Biryukovich R. M. *Zvukovoy stroy srednechulymskogo dialekta chulymsko-tyurkskogo yazyka: Dis. kand. filol. nauk* [The phonological system of the middle-Chulym dialect. Doctoral thesis]. Tomsk, 1973. 229 p.
- Boni R. A. *Materialy po yazyku chulymskikh tatar (polevye zapisi)* [Materials on the language of the Chulym Tatars (field data)] Vol. 7. Tegul'det, 1973. 584 p.
- Vinogradov V. A., Koval' A. I., Porhomovskiy V. Ya. *Sociolingvisticheskaya tipologiya* [Sociolinguistic typology]. Moscow, 2009. 136 p.
- Gadzhieva N. Z. Tyurkskie yazyki [Turkic languages]. *Yazyki mira. Tyurkskie yazyki* [Languages of the world. The Turkic languages]. Moscow, 1997. pp. 17–34.
- Grashhenkov P. V. *Tyurkskaya imennaya gruppа: tysyacha i odna zagadka (rukopis')* [Turkic nominal group: a thousand and one mystery (draft)]. Moscow, 2002. <http://www.pandia.org/text/78/577/35930-3.php>
- Grashhenkov P. V. Tipologiya possessivnykh konstruktsiy [Typology of possessive constructions]. *Voprosy yazykoznaneya – Problems of Linguistics*. 2007, no. 3. Pp. 25–54.
- Dul'zon A. P. Dialekty i govory tyurkov Chulyma [Dialects and sub-dialects of the Chulym Turks]. *Sovetskaya tyurkologiya – Soviet Turcology*, 1973, no. 2, pp. 16–29.
- Dul'zon A. P. Chulymskiy tatarskiy yazyk [The Chulym Tatars and their language]. *Uchenye zapiski Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta* [Scientific notes of Tomsk State Pedagogical Institute]. Vol 9. Tomsk, 1952. Pp. 76–211.
- Dul'zon A. P. Chulymsko-tyurkskiy yazyk [The Chulym-Turkic language]. *Yazyki narodov SSSR. T. 2. Tyurkskie yazyki* [Languages of peoples of the USSR. Vol. 2. Turkic languages]. Moscow, 1966. Pp. 446–466.
- Dyrenkova N. P. *Grammatika shorskogo yazyka* [A Grammar of Shor]. Moscow-Leningrad, 1941. 307 p.
- Dyrenkova N. P. *Grammatika oyrotskogo yazyka* [A Grammar of Oyrot]. Moscow-Leningrad, 1940. 303 p.
- Lemskaya V. M. *Materialy etnolingvisticheskikh ekspeditsiy kafedry yazykov narodov Sibiri TGPU k chulymskim tyurkam (polevye zapisi: yelektronnyy resurs)* [Materials of the ethno-linguistic fieldtrips done by the chair of Siberian indigenous peoples' languages of TSPU to Chulym Turks (field data: e-source)]. Tomsk, 2007–2015.
- Lemskaya V. M. Chulymskiy tyurki: sokrashcheniye chislennosti naseleniya kak rezul'tat transformatsii etnoyazykovogo samosoznaniya [Chulym Turks: population decrease as a result of ethnolinguistic self-identity transformation]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2013, no. 2, pp. 50–55.
- Lingvisticheskiiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow, 1990. 685 p.
- Maksimov K. I. *Altayskiy fol'klor: teleutskiy dialekt* [Altay folklore: the Teleut dialect]. Gorno-Altaysk, 1995. 128 p.
- Merkur'ev K. V. *Bachatsko-teleutskiy konsonantizm*. Avtoref. dis. kand. filol. nauk [Bachat-Teleut consonant system. Doctoral thesis abstract]. Novosibirsk, 1975. 18 p.

- Mudrak O. A. Klassifikatsiya tyurkskikh yazykov i dialektov (s pomoshch'yu metodov glottohronologii na osnove voprosov po morfologii i istoricheskoy fonetike) [Turkic languages and dialects classification (with the aid of glottochronology on the basis of morphology and historical phonetics)]. Moscow, 2009. 191 p. *Trudy Instituta vostochnykh kul'tur i antichnosti* [Proceedings of the Oriental cultures and Antiquity Institute. N 23].
- Nasilov D. M. Teleutov yazyk [The Language of the Teleuts]. *Yazyki narodov Rossii: Krasnaya kniga* [Languages of the Peoples of Russia. The Red Book]. Moscow, 2002. Pp. 177–180.
- Nevskaya I. A. Bytynyye elementarnyye prostyye predlozheniya v shorskom yazyke [Elementary existential simple sentences in Shor]. *Yazyki korennykh narodov Sibiri* [Languages of the indigenous peoples of Siberia]. No. 5. Novosibirsk, 1999. Pp. 42–70.
- Perepis' 2002 – Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2002 goda. Tom 4 «Natsional'nyy sostav i vladeniye yazykami, grazhdanstvo» [All-Russian census of 2002. Vol. 4 "Ethnic composition, language proficiency and citizenship"]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Federal service of the national statistics]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=17>
- Perepis' 2010 – Vserossiyskaya perepis' naseleniya 2010 goda. Tom 4 «Natsional'nyy sostav i vladeniye yazykami, grazhdanstvo» [All-Russian census of 2010. Vol. 4 "Ethnic composition, language proficiency and citizenship"]. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoy statistiki [Federal service of the national statistics]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
- Radlov V. V. *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzhungarskoy stepi. Ch. 1. Podnarechiya Altaya: altaytsev, teleutov, chernovykh i lebedinskikh tatar, shorcev i sayancev* [Folk literature specimens of the Turkic tribes of the South Siberia and the Dzhungar steppe. Part 1. Dialects of Altay: Altay, Teleut, Forest and Lebedinsky Tatars, Shor and Sayan]. St. Petersburg, 1866. 443 p.
- Radlov V. V. *Obraztsy narodnoy literatury tyurkskikh plemen, zhivushchikh v Yuzhnoy Sibiri i Dzhungarskoy stepi. Ch. 2. Podnarechiya Abakanskoy (sagayskoye, koybal'skoye, kachinskoye), kyzyl'skoye i chulymskoye (kyuyerik)* [Folk literature specimens of the Turkic tribes of the South Siberia and the Dzhungar steppe. Part 2. Dialects of Abakan (Sagay, Qoybal, Qachin), Qyzyl and Chulyum (Kuerik)]. St. Petersburg, 1868. 420 p.
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Morfologiya* [A comparative and historical grammar of Turkic languages. Morphology]. Ed. by E. R. Tenishev. Moscow, 1988. 560 p.
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Sintaksis* [A comparative and historical grammar of Turkic languages. Syntax]. Composed by N. Z. Gadzhieva & B. A. Serebrennikov. Moscow, 1986. 284 p.
- Teleuty [The Teleuts]. *Tyurkskie narody Sibiri* [Turkic peoples of Siberia]. Ed. by D. A. Funk & N. A. Tomilov. Moscow, 2006. Pp. 171–235.
- Tokmashev D. M. Zametki po leksike bachatsko-teleutskogo yazyka [Some notes on the lexicon of Bachat-Teleut]. *Istoriko-kul'turnoye vzaimodeystviye narodov Sibiri: mat-ly nauch.-prakt. konf.* [Historical and cultural interactions of Siberian peoples: conf. proceedings]. Novokuznetsk, 2008. Pp. 147–152.
- Tokmashev D. M., Fedotova N. L. O sociolingvisticheskikh osobennostyakh teleutskogo yazyka po dannym polevykh issledovaniy 2013–2014 godov [On sociolinguistic features of Teleut language (based on 2013–2014 field studies)]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2014, no. 4 (6), pp. 35–42.
- Urtegeshev N. S. Teleutskiy yazyk [The Teleut language]. *Istoricheskaya enciklopediya Sibiri* [Historic Encyclopedia of Siberia]. Vol. 3. Novosibirsk, 2009. P. 248.
- Fisakova G. G. *Yazyk bachatskih teleutov* [The language of the Bachat Teleuts]. Kemerovo, 1976. 133 p.
- Chulymcy [The Chulyum Turks]. *Tyurkskie narody Sibiri* [Turkic peoples of Siberia]. Ed. by D. A. Funk & N. A. Tomilov. Moscow, 2006. Pp. 125–170.
- Shestera E. A. Teleutskiy yazyk: intonatsiya povestvovatel'nykh i voprositel'nykh vyskazyvaniy [The Teleut language: declarative and interrogative sentences intonation]. *Voprosy yazykoznanija – Problems of Linguistics*, 2014, no. 2, pp. 61–75.
- Shherbak A. M. *Ocherki po sravnitel'noy morfologii tyurkskikh yazykov (imya)* [Drafts on the comparative morphology of Turkic languages (nominal)]. Leningrad, 1977. 191 p.

Tokmashev D. M.
National Research Tomsk Polytechnic University.
Pr. Lenina, 30, Tomsk, Russia, 634050.
E-mail: kogutei@yandex.ru

Lemskaya V. M.
Tomsk State Pedagogical University.
Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.
E-mail: lemskaya@tspu.edu.ru